

Свидетели эпохи

НИКОЛАЙ
РЕДЕН

*Сквозь ад
русской революции*

Воспоминания гардемарина

1914—1919

Николай Реден

**Сквозь ад русской
революции. Воспоминания
гардемарина. 1914-1919**

«Центрполиграф»

Реден Н.

Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина.
1914-1919 / Н. Реден — «Центрполиграф»,

Николаю Редену пришлось пройти через невероятные испытания, увидеть жизнь медвежьих углов России, узнать тюрьму и оценить всю прелесть воли. Когда разразилась революция, юный гардемарин оказался в своей стране во враждебном окружении. Он перешел границу с Финляндией, воевал в составе Белой армии в Эстонии. После разгрома белых с группой молодых флотских офицеров на похищенном корабле он совершил переход в Копенгаген. Не раз пришлось юноше побывать на грани жизни и смерти. Судьба хранила Редена, ему удалось, пройдя множество испытаний, найти новую родину и не забыть о своей принадлежности к народу страны с трагической, но великой историей.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Реден

Сквозь ад русской революции.

Воспоминания гардемарина. 1914–1919

«...Как это часто бывает в истории, наши чувства склоняются на сторону тех, чье поражение мы должны считать, тем не менее, идущим во благо».

Джон Адаме Дойль.

«Английские колонии в Америке»

Предисловие

Это краткое напутствие предназначено для тех, кто приступает к чтению с полной уверенностью в моей пристрастности. Хотелось бы напомнить, что никто не в состоянии дать совершенно объективное описание собственной жизни, как бы ни желал этого. Личные впечатления не всегда поддаются объяснению, но во многом определяются окружающей этого человека средой: семьей, друзьями, строем жизни – словом, всем, что формирует личность, всем, что влияет на нее на протяжении ее пути.

В данном случае речь идет о моем восприятии дореволюционной России. Я знаю, что в стране было много несправедливости, что определенные социальные группы страдали от произвола царской власти. Тем не менее мне повезло быть членом семьи, жившей в более комфортных, благоприятных условиях, поэтому мое отношение к дореволюционной жизни в России достаточно позитивно.

Столь очевидные противоречия заставляют меня признать свои ограниченные возможности и убеждают в том, что окончательную оценку революции следует оставить будущему поколению, которое сможет быть более объективным. У меня же нет желания делать окончательные выводы или пытаться проводить сравнения старого и нового. Эти страницы просто посвящены истории болезни общества – тем событиям, которые я наблюдал в то время и в которых участвовал.

Глава 1

Если бы кто-нибудь сегодня сказал мне, что через 20 лет я больше не буду американцем, что каждому городу и селению этой страны суждено пережить войну и голод, что жизнь всех моих друзей будет выбита из привычной колеи и большинство из них погибнет насильственной смертью, а сам я окажусь в отдаленном уголке мира, навсегда оторванный от своей семьи, – если кто-нибудь сказал бы мне все это, я счел бы такого человека безумцем и категорически отверг столь мрачные прогнозы. Возможно, позднее, уединившись и дав волю воображению, впал бы в томительное беспокойство. Я вспомнил бы, что не так давно считал подобное предсказание смехотворным и абсурдным, однако оно полностью оправдалось.

Даже самое невероятное кажется возможным теперь, когда я начал чувствовать пропасть, разделяющую мое восприятие жизни прежде и сейчас. Внутренне я изменился: иным стало мое отношение к понятию «национальное», у меня другие привязанности и устремления. Только память связывает того, кем я был, с тем, каким я стал, – непрочная цепь впечатлений, – которая одним концом накрепко прикована к живому, пульсирующему настоящему, а другим теряется в дымке времени, в странном, ирреальном прошлом. Трогая эту цепь, разум извлекает из далекого времени живые картины; каждая исчерпывающе полна: там люди, краски и звуки. Одновременно каждый образ – лишь эпизод в цепи событий, лишь миг бегущего времени, лишь маленькая ступень на этапе моего развития. Пять, десять, пятнадцать лет назад каждому из этих этапов соответствовали определенные надежды и разочарования, вера и убеждения. Сначала жизнь тянулась медленно, затем темп внезапно ускорился – над миром будто пронесся вихрь и посеял смуту среди окружавших меня людей.

В 1914 году наша семья проводила лето в Петергофе – курортном пригороде, расположенном в 25 милях от Петербурга. Наш дом – одна из четырех или пяти дач на побережье Кронштадтского залива – находился в некотором удалении от Петергофа. С одной стороны к нему примыкала рыбацкая деревушка, с другой – земли императорских владений. Дом представлял собой просторное деревянное сооружение без архитектурных излишеств, но выглядевшее весьма привлекательно. Вокруг был парк, обнесенный рядами длинных заборов, которые скрывали дом от любопытных глаз, и окруженный статными соснами, которые шумели кронами под морским ветерком. Одна из аллей тянулась вдоль дамбы, сооруженной из скальной породы. В море на расстояние нескольких сот метров уходила узкая деревянная пристань с широкой платформой на краю, со скамьями, а рядом лениво колыхались на воде наши лодки.

Именно здесь под плеск волн наша семья проводила последнюю неделю июля. Обычно в нашем доме царила непринужденная атмосфера: в выходные дни собирались гости, звучала музыка, играли в бридж, купались в море, совершали бесконечные экскурсии по живописным и историческим местам. Но в ту июльскую неделю было не до развлечений. Каждый из нас ощущал какую-то угрозу, ибо события приобретали неконтролируемый характер.

Месяцем раньше, как и всех русских людей, нас потрясли вести из Сараева. Убийство Франца Фердинанда, эрцгерцога Австрии, казалось безумным, злодейским преступлением, но, при всем своем возмущении и сочувствии, мы не могли сказать, что трагическая гибель эрцгерцога имела лично для нас большое значение.

Постепенно, однако, настроение изменялось. Россию охватили тревожные предчувствия, когда выяснилось, что Австрия намерена нажить политический капитал на своем несчастье. Среди образованных и мыслящих русских людей, влиявших на формирование общественного мнения, распространялись тревоги и обиды. Традиционная дружба России с Сербией представляла собой нечто большее, чем союз, продиктованный экономическими и дипломатическими соображениями. Большое число сербов приезжали в Россию на учебу, их присутствие сообщало отношениям двух стран теплоту и сердечность. И когда Сербия столкнулась с угрозой

уничтожения со стороны могущественного и агрессивного соседа, в России усилилось сочувствие к своему балканскому союзнику.

Другим фактором, способствовавшим подъему в России национального самосознания, была затаенная вражда к немцам, так как в прошлом они выражали откровенное презрение к славянской расе. Во время кризиса эта скрытая неприязнь мгновенно выплеснулась наружу.

Общественное мнение определилось, соответствующую позицию заняло правительство России: если австрийцы нападут на Сербию, Россия должна прийти к ней на помощь. Но в то время как образованная часть русского общества почти единодушно одобряла такую политику, большинство продолжало надеяться, что войны можно избежать.

Тревожное ожидание в течение трех дней, последовавших за примиренческим ответом Сербии на безапелляционные требования Австрии, достигло наивысшего напряжения. Каждый понимал, что следующий шаг Вены определит течение нашей будущей жизни.

Когда наша семья в молчании собиралась после ужина на пристани, залитой лунным светом, отчетливо чувствовалось общее внутреннее напряжение. Меня беспокоили тревожные мысли: если страна будет ввергнута в хаос войны, как он отразится на каждом из нас? Какие ужасные испытания готовит судьба моему отцу – генерал-майору медицинской службы, матери? Старшая сестра Ирина сообщила о своей помолвке, но не произойдет ли крушение ее планов и надежд? С нами жила восьмидесятилетняя тетя, старая дева. Доживет ли она до восстановления мира и спокойствия?

У меня не было ни четко осознанных страхов, ни предчувствия катастрофы – было лишь ощущение встречи с чем-то совершенно необъяснимым и глобальным. Даже мою восьмилетнюю сестрицу Веру одолевало какое-то внутреннее беспокойство – она казалась более непоседливой, чем обычно.

Я видел колыбание желто-зеленой воды, вздыбленной белыми бурунами, слышал ритмичный шум прибоя, вдыхал резкий, соленый запах моря. Вглядываясь во тьму, пытался отвлечься подсчетом огней на противоположном берегу залива и спрашивал себя, взорвет ли эту привычную безмятежность враждебный грохот орудий. Справа, вдали, в небе светилось медно-красное пятно – отражение огней Петербурга. Слева, подобно одиноким часовым, высились неясные очертания мощных фортов Кронштадта, над которыми внезапно вспыхивал луч прожектора.

...Мы сидели, не проронив ни слова, до поздней ночи и внимательно вслушивались в рокот волн, будто ожидая от них откровения.

Глава 2

Тревожное ожидание прервалось, как только на стенах домов в городах и поселках расклеили императорский манифест об объявлении войны. Тотчас тревога, дурные предчувствия и споры сменились энтузиазмом и победоносными настроениями. Россия сплотилась в стремлении к общей цели.

Улицы Петербурга, на которых еще несколько недель назад происходили беспорядки и антиправительственные демонстрации, заполнились толпами людей, несущих национальные флаги и поющих национальный гимн. Тысячи экзальтированных горожан стояли перед посольствами Франции, Великобритании и Сербии, выкрикивая лозунги солидарности и приветствия. Но наиболее впечатляющие сцены происходили вокруг Зимнего дворца. Огромная площадь перед ним была забита людьми, стекавшимися туда со всех концов города. В этих людских потоках шли плечом к плечу крестьянки, студенты университета, торговцы, школьники, заводские рабочие, лавочники. Они несли иконы и портреты членов императорской семьи. Люди шли с желанием продемонстрировать свою лояльность царю и согласие с политическими шагами власти.

Временами на балконе появлялся император и приветствовал публику, и тогда шум и крики стихали, дети опускались на колени. Кто-то из толпы затягивал гимн, и тотчас его подхватывали сотни голосов. В воздухе мощно звучало «Боже, царя храни». Ничто не сотрет из памяти великолепную, внушающую благоговение картину единения царя и русского народа накануне великого испытания.

Эти проявления массового энтузиазма носили подлинный и спонтанный характер, поскольку в начале войны лишь немногие политические силы России были способны формировать общественное мнение и еще не научились манипулировать им. В искусстве пропаганды российские власти не отличались изощренностью. Политические партии, общества, профсоюзы, клубы и патриотические организации в том значении, как их понимали на Западе, были немногочисленны. Русский же народ систематической обработке идеями воинственного национализма не подвергался.

Каждый русский был убежден, что его страну вынудили взяться за оружие для защиты справедливости. На уличную демонстрацию люди выходили для выражения своих искренних чувств. Происходящее будоражило меня и окружающих людей – в час испытаний Россия казалась более величественной, чем прежде. Если это и было всего лишь массовым помутнением рассудка, то определенно безумие носило черты возвышенные. Кроме того, для доказательства искренней поддержки политики правительства имелось свидетельство более впечатляющее, чем энтузиазм толпы.

Всеобщая мобилизация, призыв на воинскую службу миллионов резервистов были осуществлены без каких бы то ни было затруднений. Эта быстрота и четкость стали серьезным ударом по планам германского Генерального штаба – ведь расчет был на неповоротливость российской власти и мятежные настроения в обществе, способные вызвать беспорядки и проволочки. Настроение людей, выстраивавшихся в длинные очереди перед призывными пунктами, можно было определить безошибочно: по-иному выглядели лица крестьян, служащих, рабочих, суровые, исполненные решимости, когда они еще не по-военному маршировали по улицам в гражданской пока одежде. Их провожали женщины, шедшие по тротуарам быстрой походкой, с обеспокоенными лицами, но без слез.

Душевное состояние людей, отправлявшихся на войну, можно было почувствовать и на железнодорожных станциях, где войска садились в эшелоны, следовавшие на фронт. Не было наигранного веселья, пьянства, истеричной бравады. А если кто-то из таких добровольцев и находился, люди виновато улыбались и отводили взгляд. Офицеры и другие распорядители

были поглощены исполнением долга, следя за тем, как рота за ротой погружались на платформы.

Гвардейские полки, дислоцированные в Петербурге и пригородах, отправились на фронт среди первых. Гвардейцы составляли неотъемлемую часть городской жизни: без них не обошлось ни какое-либо торжество, ни бал, ни собрание. Любое общественное мероприятие расцвечивалось их парадными формами. Спрятный, нарядный вид горожан сообщал Петербургу респектабельный вид, а блеск и щегольство офицеров придавали еще и неповторимое своеобразие.

Гвардейцы были цветом русской аристократии, и фамилии большинства из них навеки занесены в анналы истории. Офицеры соперничали друг с другом в выполнении долга перед государством и в преданности трону. Справедливости ради следует сказать, что многие из них лихо пили, проматывали деньги, жили не по средствам, и все это не без некоторого шика, поэтому все равно они оставались любимцами двора и петербургского общества. Тот факт, что гвардейцы направлялись на фронт среди первых, был показателем высокого морального духа, с которым Российская армия вступала в войну.

Отъезд гвардейцев изменил облик города и заставил жителей Петербурга первыми почувствовать тяготы войны. Согласно закону о всеобщей воинской повинности большинство здоровых мужчин оказались либо на действительной службе, либо в составе резерва первой очереди, откуда пополняли отправлявшиеся на фронт воинские части. Все семьи провожали родных и близких, и наша семья не была исключением.

Отец получил приказ возглавить хирургическое отделение медицинской службы при Штабе сухопутных сил и покинул дом, как только была объявлена война. Отправились на войну и оба моих дяди. Один из них в звании полковника командовал саперной частью, другой в звании подполковника – автомобильным подразделением. Сестра Ирина вышла замуж в первую неделю войны, и мой шурин, служивший офицером резерва гвардейской инженерной части, ожидал отправки на фронт в ближайшее время. Уходили на войну отцы, сыновья, братья, друзья, слуги; перспектива остаться дома удручала.

Допризывники становились раздражительными и строптивыми – они боялись, что опоздают на войну. Многие парни моего возраста – подростки – убегали из дому и направлялись на фронт в надежде присоединиться к действующей армии. Общественная атмосфера была наэлектризована, и я не мог сдержать патриотического порыва: однажды утром вышел из дому, но вместо школы отправился на вокзал и сел в поезд. Выбрав круговой путь, я рассчитывал, что меня не догонят. Но рано утром следующего дня во время пересадки возле Риги на другой поезд я был задержан жандармами, которые узнали меня по приметам, полученным несколькими часами ранее.

Когда я не вернулся домой в урочное время, у матери возникли определенные подозрения. Узнав, что в тот день я не был в школе, она пошла за разъяснениями к моему лучшему другу, с которым я сидел в классе за одной партой. Он знал о моих планах и под давлением своих родителей и моей матери не выдержал и рассказал, куда я направился. Об этом телеграфировали отцу; кроме того, мать имела обнадеживающую беседу с главой секретной полиции. На все железнодорожные станции были сообщены приметы, и меня опознали без особых затруднений. Обращались со мной вежливо, но твердо. Через день я вернулся домой в сопровождении двухметрового жандарма, который с улыбкой до ушей передал меня матери.

Журили меня недолго, но пришлось пообещать матери, что больше в армию не сбегу. Взамен мать сняла свои возражения и разрешила мне подать заявление в императорский Морской корпус. Этот эпизод едва ли стоил бы упоминания, если бы не одно приятное воспоминание, связанное с ним.

Примерно через две недели, возвратившись из школы домой, я обнаружил в гостиной кавалерийского офицера, которого прежде никогда не видел. Чрезвычайно лестно было узнать,

что офицер ждал именно меня, и уж совсем привело в восторг то, что он вручил мне крохотную икону и сказал:

– Ее императорское величество узнали о твоём недавнем э-э-э... приключении и милостиво поручили мне вручить тебе эту икону, а также передать на словах, что ее величество весьма рады, что твои планы не осуществились, и надеются, ты больше не будешь доставлять беспокойство родителям, которые делают все возможное на службе родине. В то же время ее величество понимают и ценят твою преданность стране.

Иконка служила веским контраргументом, когда позднее мне приходилось спорить с людьми, в моем присутствии утверждавшими о прогерманских симпатиях русской императрицы.

Неудачная попытка попасть в армию временно приостановила осуществление моих планов, но не охладила энтузиазма. Это было и невозможно, потому что на каждом шагу все напоминало о происходящих великих событиях. О них красноречиво напоминали пустые места за семейным столом, строевые занятия новобранцев на улицах, прибытие первых раненых с фронта, первые беженцы-поляки, длинные вереницы лошадей и автомобилей, реквизируемых армейскими службами. Самое большое впечатление производило единодушное стремление людей внести свой вклад в общее дело.

Случались отдельные проявления недовольства, но на начальном этапе войны они были весьма редки. Как и повсюду, в России тоже встречались ничтожные люди, не способные подняться над соображениями личной выгоды и готовые злоупотреблять патриотическим рвением соотечественников. Попадались и другие – те, что имели самые благие намерения, но располагали таким скудным интеллектуальным и эмоциональным багажом, что совершали не разнообразные ни с чем поступки. Были и попросту смутьяны. Они использовали сложную обстановку для удовлетворения своего инстинкта разрушения. В первые дни войны одним из шокирующих проявлений вандализма стало разорение посольства Германии.

Сам вид этого здания, казалось, возбуждал в толпе дикие страсти. Никто будто и не замечал, что рядом находятся десятки других, подобных этому. Посольство располагалось в одном из благоустроенных районов Петербурга. Оно представляло собой современное здание, сложенное из массивных гранитных плит. В нем было множество окон, забранных решетками, и, подобно многим образцам соответствующего архитектурного стиля, оно выглядело рациональным и лишенным какого-либо своеобразия. Единственный всплеск архитектурной фантазии состоял в двух скульптурах нагих германских воинов на конях высотой 10 футов. Водруженные на крыше над парадным входом, эти статуи уныло торчали на фоне холодного петербургского неба, глядя на гостеприимные окна гостиницы «Астория», возвышавшейся на противоположной стороне площади.

Здание посольства ничего не добавляло к архитектурному облику города и не отнимало от него. Однако распаленная толпа, глядевшая на серые стены здания с глухой яростью, считала по-другому. Мальчишки и взрослые потрясали кулаками и говорили, что в этом месте помещался секретный арсенал и что решетки на окнах свидетельствуют о злонамеренных замыслах обитателей. Женщины, никогда прежде не отличавшиеся строгостью нравов, энергично доказывали, что публичная демонстрация обнаженных мужских фигур наносит преднамеренное и сознательное оскорбление России.

В конце концов подобные страсти достигли точки кипения, и однажды утром толпа атаковала здание. Усилия полиции остановить людей носили формальный характер, возможно, еще и потому, что считалось неудобным противодействовать рвению патриотов, пусть и излишнему, или потому, что сами полицейские чувствовали нечто подобное. Смутьяны ворвались внутрь здания, обшарили каждый угол, поломали мебель, разорвали занавеси и, наконец, забрались на крышу, и оттуда обе обнаженные статуи были низвергнуты вниз, на мостовую, под

тение и улюлюканье. А внизу другая часть наэлектризованной толпы подхватила их, протаскала на расстояние двух кварталов и сбросила в ближайший канал.

На следующий день проходя по месту бесчинств, я остановился, чтобы понаблюдать за тем, как водолазы с помощью пожарных, снабженных крюками и лестницами, пытались выловить статуи из воды. На улицах теснились возбужденные, торжествующие массы людей. Каждый раз, когда каменная голова показывалась над водной поверхностью, толпа оттесняла пожарных, и статуя вновь уходила под воду.

Подобные сцены насилия были исключением. Во многих случаях стихийные выражения гнева проявлялись более цивилизованной формой, хотя и столь же бессмысленной. Распространялись бесчисленные шпионские истории о таинственных иностранцах, подземных телефонах, глубоко закопанных боезарядах для подрыва железнодорожных станций. Вполне благонамеренные русские граждане с иностранными фамилиями подвергались преследованиям и публичным оскорблениям. Актеры, игравшие в водевилях, размахивали национальными флагами, стремясь сорвать аплодисменты, которых не могли добиться собственным талантом. Хуже того, на оперной сцене исполняли национальный гимн.

Вскоре после объявления войны публика, присутствовавшая на премьере в Императорском оперном театре, потребовала исполнения гимна. Дирижер любезно согласился. Люди благоговейно слушали удовлетворяющую их патриотические чувства музыку. Затем и во время первого антракта каждого представления с галереи неслись мольбы: – Ги-и-мн! Ги-и-мн!

Оркестранты нехотя брались за свои инструменты, мужчины и женщины со скучающим выражением лиц поднимались с мест, а военные вытягивались по стойке «смирно». С течением войны и увеличением числа союзников России зазвучали российский, сербский, французский, бельгийский, британский, черногорский, японский, итальянский, португальский, румынский и греческий гимны; их исполнение занимало все больше и больше времени; процедура становилась утомительной и производила на людей удручающее впечатление. Тем не менее всегда находились люди, считавшие пропуск хотя бы одного из гимнов возмутительным нарушением ритуала, и все это продолжалось снова и снова.

Ура-патриотизм нарастал крещендо; но в первые месяцы войны эти настроения не обладали настолько, чтобы заслонить реальные проблемы или повредить здоровому моральному состоянию общества.

Глава 3

В первые девяносто дней войны население приспосабливалось в тылу к новым условиям существования. Необходимо было удовлетворить многочисленные нужды страны, ведущей военные действия. Для каждого находилось много работы. Повсюду наблюдались разительные перемены, по мере того как женщины заменяли мужчин в промышленности. Когда в деревнях остались лишь старики и дети, основная нагрузка пала на плечи жен и дочерей, которые постоянно принимали участие в полевых работах, но испытывали большие трудности из-за нехватки лошадей, реквизированных армией. Муниципалитет Петрограда набирал женщин в качестве кондукторов уличных конок, что считалось настолько необычным, что спровоцировало множество доброжелательных шуток и карикатур. Женщины выполняли и другую работу, еще более непосредственно связанную с войной.

По западным стандартам обеспечение русской армии продовольствием не отвечало необходимым требованиям, равно как и денежное содержание солдат. Хотя фронтовики снабжались обмундированием на должном уровне, им постоянно не хватало мелочей, о которых командование не позаботилось, а они были солдатам не по карману, но совершенно необходимы для минимального комфорта. Поэтому женщины из семей скромного достатка снабжали фронтовиков небольшим количеством табака и мыла. Занятые домашним хозяйством, свободные минуты женщины тратили на вязание шарфов, носков, рукавиц и других теплых вещей. Из набивного ситца изготавливали кисеты для табака и платки. Простыни разрывались на длинные полосы, чтобы у солдат было достаточно портянок. Все это упаковывали в старые коробки и ящики. Чтобы обеспечить справедливое распределение вещей, были созданы пункты, в которых подарки с благодарностью принимали, заворачивали в стандартные упаковки и направляли в воинские подразделения. Центральное благотворительное общество в Петрограде пользовалось покровительством императрицы, а его штаб-квартира помещалась в Зимнем дворце. Моя мать заведовала одним из пунктов общества, куда я часто навещался на пути из школы домой. Дворцовые комнаты, богато украшенные, с высокими потолками, где женщины общества добросовестно трудились с утра до ночи, выглядели как заводские отделы снабжения.

Тысячи молодых женщин добровольно работали медсестрами. В них нуждались и на поле боя, и в санчастях, и в огромных правительственных госпиталях за линией фронта, и в многочисленных медпунктах, открытых в госучреждениях и частных домах с целью оказать медицинскую помощь искалеченным людям. Девушки, никогда прежде не работавшие и поступавшие на службу беспомощными дилетантками, становились через несколько месяцев опытными профессионалами. Когда моя сестра Ирина и ее подруги готовились стать медсестрами, я относился к их намерению скептически, и особенно потому, что в качестве манекена для отработки навыков перевязки и наложения шин они использовали меня. Но уже через год Ирина стала медсестрой в операционной одного из крупных госпиталей Петрограда. Когда мне доводилось слышать об успешной работе сестры, я еще более восхищался ею.

В течение первых двух лет войны шла напряженная, сосредоточенная работа. Заводы работали на полную мощность, школы, колледжи и университеты занимались военной подготовкой в рамках всеобщей воинской повинности, военные училища и учебные центры ускоренно готовили офицеров. Времени для дел, не связанных непосредственно с войной, не оставалось.

Бурные выражения настроений шли на убыль, но, когда происходили важные события, реакцию людей предсказать было нетрудно. В ноябре 1914 года, когда турецкий флот без объявления войны обстрелял черноморские порты России, поднялась большая волна общенационального возмущения. А когда в 1915 году Италия присоединилась к союзникам, массовые демонстрации, приветствовавшие это событие у посольства Италии в Петрограде, напоми-

нали бурный подъем народных чувств в первые дни войны. Но в основном были очевидны решимость людей способствовать успеху общего дела, а также острый, пристальный интерес к новостям с фронта. Как только на уличных стендах вывешивали свежие газеты, мужчины и женщины принимались изучать скудные официальные коммюнике командования Российской армии и союзнических войск. Едва ли не в каждом доме висела на стене карта, по которой прослеживали наступления и отходы наших и вражеских войск. У нас висела карта примерно в 10 квадратных футов. Каждый вечер я обозначал булавками линии тысячемильного фронта в соответствии с лаконичными и скупыми информационными бюллетенями.

Боевые действия составляли постоянный источник радости и тревоги. Первые успехи в Восточной Пруссии, глубокое проникновение русской армии на территорию Австрии, остановка наступления немецких войск на Париж обнадеживали, но не порождали полной уверенности или ложных надежд на скорую победу. Вынужденное отступление из Австрии, оставление Варшавы и провал англо-французского наступления на турецкие проливы переживались болезненно, но не приводили в отчаяние. Вера в свою армию была непоколебима, никто не сомневался в боевых качествах солдат. Командиры тоже пользовались доверием общества.

Имена генералов Алексеева, Брусилова, Рузского, а также адмиралов Эссена и Колчака были постоянно на слуху, но наибольшей популярностью пользовался великий князь Николай – главнокомандующий Русской армией. Его впечатляющая внешность и личные качества привлекали и военных и гражданских лиц. Он неукоснительно выполнял необходимые обязанности и выражал свое мнение открыто, без обиняков. Ходили разговоры, что великий князь, грозный во гневе, увольнял со службы и даже подвергал телесному наказанию генералов за неподчинение приказам. Было это правдой или нет, значения не имеет; солдаты верили, что с главнокомандующим шутки плохи, что он не терпит пренебрежения долгом, каждый, кто будет уличен им в безответственности, подвергнется наказанию независимо от звания и положения. Фронтовики верили в это, и их веру разделяли широкие круги общественности.

Все соглашались в том, что командование вооруженными силами России отвечает требованиям войны. Русские солдаты не посрамили себя на полях сражений с пруссаками, русские генералы не уступали в разработке тактики и стратегии знаменитому германскому Генеральному штабу, и результаты не давали повода для разочарования. Да, мы потерпели ряд поражений, уступили значительную территорию, но снова и снова русская армия перехватывала инициативу и вынуждала немцев занимать оборону. Российский Балтийский флот в условиях безусловного превосходства германского флота оставался грозной силой: он парализовал активность противника в Балтийском море, а когда немцы попытались навязывать бои, отбивал атаки, нанося тяжелые контрудары. В целом имелись веские основания гордиться действиями армии и флота, особенно учитывая ухудшающуюся ситуацию с военным снабжением, которая вскоре стала очевидной.

Никакая цензура не могла утаить сведений об удручающей нехватке военного снаряжения. В обстановке поступления с фронта в городские госпитали и сельские больницы бесконечного потока раненых ничто не могло скрыть истинного положения вещей. Было непереносимо представить безоружных русских солдат, противостоящих прекрасно оснащенному современному оружию врагу, сытому и хорошо обмундированному. Пренебрежение и даже безразличие к солдатской судьбе со стороны ответственных чиновников вызывали возмущение.

Ни один из посетителей госпиталей не мог оставаться безразличным к внезапно обнаружившимся фактам положения на фронте. Впечатление усиливалось и оттого, что ни один из офицеров и солдат не жаловался и не делал попыток переложить на кого-либо вину за происходящее. Открытие приходило в результате случайно оброненного слова. Припоминаю два случая, которые произвели на меня неизгладимое впечатление.

Однажды я пришел к дальнему родственнику, служившему в полевой артиллерии в звании капитана. Он был ранен в лопатку осколком артиллерийского снаряда, пролежал несколько

недель в постели и переводился в один из армейских госпиталей на Кавказе. Когда я собирался уходить, капитан сказал:

– Надеюсь, что вскоре смогу вернуться на свою батарею и, может быть, обнаружу там хоть сколько-нибудь снарядов. Знаешь, в последние несколько недель моего пребывания на фронте у нас вообще не было снарядов, а у линии фронта мы оставались лишь с той целью, чтобы убедить свою пехоту, что наша артиллерия еще жива, что у нас еще есть пушки...

Несколько месяцев спустя я сидел у постели солдата, которому всадили в живот полдесятка пуль. Солдат был добродушным, голубоглазым богатырем из деревни, расположенной рядом с нашей дачей. Широко улыбаясь, он рассказывал мне, в чем разница между немцами и австрийцами.

– Нам казалось, что мы в отпуске, когда наш полк перебросили на Австрийский фронт. Большинство австрийцев воевать не хотят, – говорил солдат. – Немцы другие! Но мы могли бы их научить кое-чему, если бы имели вполтину больше пулеметов и снаряды к пушкам!

Эти рассказы невозможно было слушать без острого ощущения своей вины за то, что находишься в безопасности в то время, когда на фронт отправляются солдаты, чтобы сражаться голыми руками против самой технически оснащенной армии мира. Возникали и более сильные ощущения: вера в то, что русский солдат способен совершить чудеса, острое желание предоставить ему такую возможность и решимость наказать людей, увиливающих от выполнения своих обязанностей.

Что касается исправления положения, то для этого был принят ряд мер. Учредили военно-индустриальный комитет, объединивший предпринимателей, представителей всех направлений общественного мнения и министерства обороны. Промышленное производство довели до максимального уровня. На правительства Великобритании и Франции оказывалось постоянное давление, с тем чтобы они помогли оснастить Русскую армию ради общего дела. Разместили военные заказы в Америке. Появились признаки того, что худшее позади. Оставалась невыполненной еще одна задача: наказание чиновников, прямо или косвенно ответственных за возникшие трудности.

Конкретно некого было винить за то, что Русская армия оказалась в таком положении. Среди воюющих сторон только Германия осознавала масштабы войны, во всех других странах оценки военных экспертов были неадекватны. Когда же разразилась война, эти просчеты сказались на России, где промышленность более, чем в других странах, отставала в развитии. Переведя производство на военные рельсы, Англия и Франция смогли удовлетворить потребности Западного фронта. В России же, хотя заводы работали круглые сутки, выпуск военной продукции оказался недостаточным для удовлетворения нужд армии. Подобная ситуация не поддавалась контролю ни одного из правительственных учреждений, но были другие обстоятельства, за которые военный министр генерал Сухомлинов нес прямую ответственность.

Объектом общественного негодования, спровоцированного недостаточным военным обеспечением, оказалось военное министерство. Некоторые открыто обвиняли генерала Сухомлинова в казнокрадстве и измене. Другие, более радикальные, требовали отставки министра, поскольку он потерял доверие армии и народа. Но правительство упорно отказывалось считаться с общественным мнением, что имело следствием враждебное противостояние народа и власти.

Строго говоря, Россия не являлась абсолютной монархией. Нельзя было провести ни одного закона без согласия Думы, но царь сохранял полный контроль над исполнительной ветвью власти – правительством. Люди, которых царь назначал государственными министрами, не были обязаны отчитываться за свои действия перед Думой, а между тем Дума была важной трибуной для изъяснения чаяний народа. В начале войны партийные лидеры одобрили курс правительства, однако после того, как протесты в отношении военного министра не возымели действия, в Думе стали звучать речи, указывавшие на опасную эволюцию настроений.

Все соглашались с тем, что жертвы фронтовиков и напряженный труд людей за линией фронта будут растрачиваться впустую, пока правительство решительно не продемонстрирует свое стремление победить в войне, а также свою волю в руководстве страной. Постепенно вопрос об отставке генерала Сухомлинова приобрел гораздо большее значение, чем простое наказание чиновника, проявившего нерадивость. Предполагалось, что он обязан сохранением своего поста в кабинете министров неким силам, предающим национальные интересы и безразличным к исходу войны. Оставалась надежда на царя, который один располагал властью наказать или сместить военного министра.

Глава 4

Царь обладал всеми качествами, которые внушают симпатии и любовь ближайшего окружения. Но те самые свойства, которые так привлекательны в частном человеке, превратились в серьезные помехи, когда он был призван руководить страной в чрезвычайных обстоятельствах. Миролюбие царя, стремление избегать болезненных ситуаций предоставили возможность приближенным влиять на него. Страсть к самобичеванию отвращала его от правления железной рукой. Личное обаяние царя превращало необходимость сообщить монарху нелюбимую правду в крайне трудную задачу. Природа наделила царя достоинствами и недостатками, непригодными для выполнения им своей миссии, обстоятельства и история были против него.

Когда началась война 1914 года, оппозиционные партии впервые за полстолетия выразили готовность сотрудничать с властью. Императору пришлось принять на веру эту перемену в настроениях и положиться на людей, опасаться которых и не доверять которым имелись все основания. Ряд политических группировок, заявивших сегодня о своей лояльности, были ответственны за десятилетия террора в истории России; некоторые предпочли промолчать в отношении убийств и грабежей, совершенных политическими экстремистами. Для того чтобы поверить в лояльность этих группировок, царю пришлось бы многое забыть, но оказаться настолько гуманным, чтобы вычеркнуть из памяти раскромсанное тело своего деда Александра Второго, погибшего в результате злодейского покушения, или длинный список убитых людей, преданных государственным интересам, – это выше человеческих возможностей. Перенесенный ужас учил императора подвергать проверке и искренность оппозиции, и непредвзятость ее доводов, опыт же внушал ему предубеждение к защитникам либеральных реформ.

Царь чтит память своего отца и тоже испытывал стойкую неприязнь ко всему, что связано с либерализмом. Александр Третий вступил на престол в то время, когда страну накрыла волна нигилизма. Поразительная физическая сила и неустанная энергия царя позволили ему загнать деструктивную оппозицию в подполье, непреклонный характер тормозил процесс эволюции его политических взглядов. Николай Второй унаследовал от отца подобные воззрения, но отнюдь не темперамент и неукротимую волю для воплощения этих идей в жизнь. Консервативные взгляды Николая Второго были даже в большей степени следствием его восхищения отцом, чем естественным результатом духовного роста. Когда пришло время царствовать, он фактически продолжил жесткую политику предшественников, но она не была основана на силе его убеждений и независимости собственных взглядов, а ведь окружающий его мир изменился.

Другой причиной неприязни царя к либеральным реформам была его религиозность. Он был глубоко верующим человеком и придерживался наивного представления, будто христианство и церковь – одно и то же. По закону император контролировал административные органы русской церкви, и многие его предшественники использовали свою власть для обуздания вечного стремления духовенства к вмешательству в светские дела. Однако Николай Второй был подвержен влиянию священнослужителей, и, хотя в течение ряда лет, предшествовавших войне, русская церковь демонстрировала очевидные признаки духовного возрождения, большинство иерархов были настроены враждебно к идеям либерализма. Они понимали, что подобные политические реформы приведут в конечном счете к отделению церкви от государства, а им не хотелось поступаться своими привилегиями. В их глазах либералы представляли угрозу делу христианства в России, эту точку зрения разделял и царь.

Но сколь бы ни были важны все эти обстоятельства, они не шли ни в какое сравнение с проблемой, обусловленной другой чертой характера императора. Николай Второй отличался такой стойкой и нежной привязанностью к семье, какая характерна далеко не всем людям. Его любовь к супруге и детям не имела границ, и перед ней все остальное отступало на задний

план. Это замечательное качество в сочетании со склонностью к миру и спокойствию делало его чрезвычайно податливым перед сильным влиянием императрицы. В нем развилась бесконечная мягкость и покладистость человека, который полюбил властную женщину, да еще и подверженную тяжелой форме истерии.

Природа жестоко обошлась с русской императрицей, поразив ее единственного сына опасной наследственной болезнью. Алексей, долгожданный наследник трона, страдал гемофилией – неизлечимой несвертываемостью крови. Постоянный страх, что ничтожная царапина, малейшая рана могут оказаться фатальными, доставлял матери бесконечные мучения. Только чудо, считала она, могло спасти сына.

Религия для императрицы перестала быть философией жизни или даже верой в конечное торжество добра – она превратилась в неистовое и лихорадочное сверхъестественное средство для возможного спасения ребенка. Императрица с негодованием отказывалась признать вердикты специалистов, она немедленно отметала любой намек на необходимость смириться с неизбежным. В своем постоянном ожидании божественного знамения она совершенно утратила чувство реальности. Царица существовала в мире мистики, и никто не понимал ее лучше, чем супруг. Зная о ее страданиях, связанных с заботой о сыне, сопереживая ее боли, царь позаботился о том, чтобы облегчить бремя ее горя. Чтобы утешить царицу, умиловить ее, он часто действовал вопреки своей воле. В результате настроения и капризы императрицы стали влиять на состояние государственных дел и это влияние редко было полезным, поскольку личная трагедия искажала картину мира, лишала ее чувства меры.

Принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская прибыла в Россию вскоре после смерти Александра Третьего. Она стала русской императрицей, не успев познакомиться с народом, обычаями или языком страны, которой правил ее супруг. Чувствуя себя чужестранкой, она стремилась не навлекать на себя критики, избегая публичных мероприятий, но, поступая так, она закрывала себе пути навстречу людям. Контраст российской придворной жизни с чопорным немецким двором, где она воспитывалась, был слишком велик, и это усложнило ее адаптацию к новой обстановке. Императрица презирала то, чего не понимала, что не умещалось в границе ее воззрений: ей претила варварская расточительность и расхлябанность российского двора. Она продолжала сторониться людей и была подозрительна ко всем, кто с ней не соглашался.

Другим обстоятельством, постоянно терзавшим императрицу Александру, была тревога за супруга. Подобно большинству женщин, вышедших замуж за мягкого, добросердечного мужчину, она была убеждена, что супруг подвержен влиянию окружающих, чувствовала себя обязанной защитить его. Любая попытка высказать свое мнение царю вызывала стихийный протест императрицы и заставляла ее противодействовать постороннему влиянию, независимо от важности поднятой проблемы.

Таким образом, в критический период истории России во главе государства стояли мягкий, застенчивый мужчина и неврастеничная женщина. Характеры и трагедия в семье делали их неспособными справиться с чрезвычайной ситуацией и неумолимо влекли к гибели. Но когда наступил час расплаты, император и императрица заплатили не только за свои ошибки и слабости – им вменили в вину и ошибки предшествовавших правителей.

Немногие имели возможность советовать царю, причем большинство из таковых были непримиримыми и высокомерными консерваторами. В течение десятилетия, предшествовавшего мировой войне, русские консерваторы выдвинули из своей среды лишь одного государственного деятеля выдающихся способностей. Большой бедой для страны стала гибель Столыпина от руки убийцы раньше, чем он смог реализовать свои планы возрождения России. Он был конструктивным консерватором и последовательно поддерживал реформы там, где в них действительно ощущалась необходимость. Однако его преемники не обладали способностями, равными ему. Их консерватизм сводился к обыкновенной охранительной политике.

За некоторыми исключениями члены кабинета министров, различные чиновники, занимавшие при дворе важные должности, великие князья – те самые люди, в дельных советах которых так нуждался император, состязались друг с другом в выражении эксцентричных взглядов. Например, великий князь Александр упоминает в своих мемуарах, что во время войны он убеждал императора выдворить британского посла из Петрограда и отозвать с фронта в город лучшие полки. Подобные фантастические и явно абсурдные советы, поступающие со всех сторон, лишь усложняли положение царя.

Однако бывали моменты, когда все безответственные консерваторы объединялись: они единодушно противились либеральной политической реформе. Принятие любых мер, расходящихся с их точкой зрения, они расценивали как проявление слабости. Так, консерваторы не считали возможным поддержать отставку важного сановника, даже если он был непопулярным в народе, даже если он оскандалился на своем посту, как, например, военный министр генерал Сухомлинов. С другой стороны, если сановник пользовался в стране популярностью, как, скажем, главнокомандующий великий князь Николай или министр иностранных дел Сазонов, консерваторы обвиняли его в нелояльности и делали все возможное, чтобы соответственно настроить царя. Это оказывало негативное влияние на жизнь общества, но консерваторы, по крайней мере, были искренни в своей агрессивной близорукости. Те деятели, которым они расчищали путь, были гораздо опаснее.

Императрица, надеявшаяся найти средство для исцеления сына, стала легкой добычей религиозных шарлатанов. Зная о болезненном состоянии царицы, некоторые люди из свиты постарались снискать ее благосклонность, приглашая разного рода странников. При дворе регулярно появлялись разные мошенники, однако ни один из них не мог продержаться продолжительное время. Их разоблачали так же быстро, как они появлялись. Последним в этом ряду стал Распутин, которому удалось овладеть истеричным сознанием императрицы Александры и долго удерживать ее в своей власти. Она верила, что Распутин был «божьем человеком», который мог ходатайствовать перед Всемогущим об исцелении ее сына. В ее представлении Распутин был пророком, одаренным предвидением будущего, человеком, судьба которого была непостижимым образом связана с благополучием ее семьи. Эта вера разрослась до состояния одержимости. Императрица отказывалась верить, что в ее присутствии за маской этого «божьего человека» скрывается хитрый, волевой и аморальный мужик.

Распутин на волне неожиданной удачи устраивал дикие оргии, он служил орудием в руках интриганов, потакавших в своих целях пагубным страстям мошенника. Его мнение приобрело большую роль в определении государственной политики. Он использовал свое влияние для компрометации настроенных против него честных сановников, заменял их угодными для себя деятелями, чтобы укрепить свое положение при дворе. Решающим фактором назначения человека на ответственный пост являлось то, друг он или враг Распутина.

Судьба Российской империи зависела от бредовых фантазий мошенника, в то время как к мнению лояльных сановников, предостерегавших императора об опасности с риском для себя, но тот оставался глух. В течение многих лет ультраконсерваторы доказывали, что наиболее образованные россияне были заражены вредными западными идеями, враждебными народу, но что сами они, дескать, осуществляют прочную духовную связь между крестьянством и тронном; этот довод обратился против них же, они были выдворены из числа советников, когда Распутин приобрел неофициальную власть, а императорская чета стала рассматривать его как истинного выразителя интересов крестьянства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.